

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: МЕТАМОРФОЗЫ ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

В.А. Томсинов,

доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Нынешний способ, которым большинство профессоров международного публичного права преподают этот предмет, в значительной степени не соответствует основным проблемам современных международных отношений. Профессора международного права должны взять этот огромный свод старопечатных правил, который оставили нам наши предки, и попытаться понять их, применяя их и поверяя актуальными проблемами международных отношений.

Фрэнсис А. Бойл

Из работы «Уничтожение Ливии и мировой порядок...» (2013)

Неспособность украинской элиты осознать органическую связь своего народа и страны с Россией потенциально чревата катастрофическими последствиями для независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины.

Евгений Румер, офицер Национальной разведки США

Из статьи «Евразийское письмо: Вернется ли Украина в Россию?» (1994)

Термин «украинский кризис», широко применяемый в СМИ для обозначения трагических событий, которые уже более полугода терзают Украину, является слишком общим и условным: он не отражает сколько-нибудь адекватно сущность процессов, происходящих в последнее время в этой стране. На самом деле то, что обозначается данным термином, представляет собой конфликт геополитического характера, и если к нынешней украинской ситуации применимо определение «кризис», то правильнее было бы говорить о мировом кризисе.

Не все конкретные причины этого кризиса видны и понятны. Не все мотивы и устремления, движущие его организаторами, объяснимы с позиции разума. Многие факторы постигшей Украину государственной катастрофы уходят своими корнями в прошлое¹. Но общий смысл возникшего на территории Украины геополитического конфликта вполне ясен. Произшедший в Киеве в конце февраля 2014 г. государственный переворот, в результате которого был отстранен от власти законно избранный президент, позволил создать для Украины самое проамериканское и антироссийское правительство из всех, которые действовали в этой стране с момента обретения ею государственной независимости. Этот факт признается очевидным как влиятельными западными аналитическими центрами, так и авторитетными политологами США. Джордж Фридман, основатель и директор частной разведывательно-аналитической организации «Стретфор» (Strategic

¹ «Конфликт на Украине и вокруг нее — следствие многих причин, по которым украинская государственность оказалась на грани распада еще до того, как ситуация в конце концов «взорвалась» на Майдане», — отмечает президент Института международного права Рейн Мюллерсон (*Мюллерсон Р.* Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 86).

Forecasting Inc.), отмечает в своей статье «Взгляд за пределы Украины»: «Соединенные Штаты в настоящее время имеют прозападное правительство на Украине. Если это правительство продолжит существовать и укрепляться, позиция России станет полностью оборонительной и Москва лишится положения, представляющего угрозу. Кроме того, в Белоруссии может быть дестабилизирована обстановка и приведено к власти прозападное правительство. В любом случае положение России станет чрезвычайно трудным. При использовании Россией своего главного оружия — прекращения поставок природного газа в Европу — ей придется принимать в расчет собственную стратегическую уязвимость и, возможно, даже учитывать потенциал нестабильности в ней самой. Будущим для России становится то, чего не желает себе ни одна нация: неопределенность»².

В «Трекере глобальных конфликтов» (Global Conflict Tracker), периодическом издании Центра превентивного действия (Center for Preventive Action), функционирующего при американской неправительственной организации «Совет по международным отношениям», в сообщении «Политические волнения на Украине» от 13 июня 2014 г. был сделан следующий вывод: «Месяцы политической нестабильности на Украине переросли в крупный международный кризис, столкнувший Соединенные Штаты и Европейский союз с Россией. Риск военного конфликта, в который вовлечены украинские и российские вооруженные силы, является в настоящее время вполне реальным»³.

Оценки кризисной ситуации на Украине как нового геополитического столкновения западного мира с Россией начали появляться на страницах западных журналов и газет с конца 2013 г. После воссоединения Крыма с Россией они стали преобладающими. При этом все аналитики сходятся во мнении о том, что возникшее по поводу Украины противостояние Запада и России сохранится надолго и приведет к серьезному изменению расстановки сил на мировой арене.

Преподаватель политических наук в Университете штата Пенсильвания Килик Бугра Канат (Kılıç Buğra Kanat) опубликовал 17 марта 2014 г. в турецкой газете «Daily Sabah» статью с примечательным названием «Украинский кризис как новая шахматная доска глобальной геополитики», в которой заявил, что кризис на Украине «не только сталкивает западные державы и Россию лицом к лицу в Крыму, но также становится своеобразной шахматной доской, на которой ведущие державы ведут свою игру... Этот кризис и его последствия будут основным фактором, определяющим будущее глобальной геополитики»⁴.

Перемены в расстановке сил на мировой арене всегда отражались на состоянии международного права. Вся его история свидетельствует о том, что название этого пра-

² «The United States now has a pro-Western government in Ukraine. If that government survives and is strengthened, the Russian position becomes entirely defensive, and the threat Moscow poses is gone. Further, Belarus could destabilize and end up with a pro-Western government. In either case, the Russian position becomes enormously difficult. Its principal weapon — cutting off natural gas to Europe — would then have to take into account Russia's strategic vulnerability, and possibly even calculate the potential for instability in Russia itself. The future for Russia becomes the one thing no nation wants: uncertain» (Friedman G. *Borderlands: The View Beyond Ukraine* // Stratfor. Geopolitical Weekly. 2014. June 10 (см.: http://www.stratfor.com/weekly/borderlands-view-beyond-ukraine?utm_source=feedlist-). Здесь и далее перевод автора статьи.

Понимание полной зависимости действий нынешнего киевского правительства от воли руководства США есть и у населения Украины. Один из жителей Луганской области в интервью российским журналистам так описал сложившуюся на Украине конфликтную ситуацию: «Нас тащат в эту Европу, а мы хотим жить так, как привыкли. Эта так называемая евроинтеграция нам ничего не даст. И за это нас обстреливают по указке Америки. Власти в Киеве ничего не решают, они только выполняют указания своих хозяев» (Иванов А., Родионов Д. *Донбасс: война день за днем. Как живут республики Новороссии в условиях боевых действий* // Свободная пресса. 2014. 14 июня (см.: <http://svpressa.ru/war21/article/89888/>).

³ «Months of political instability in Ukraine have escalated into a major international crisis pitting the United States and the European Union (EU) against Russia. The risk of military conflict involving Ukrainian and Russian forces is now very real» (Political Unrest in Ukraine // Global Conflict Tracker. 2014. June 13 (<http://www.cfr.org/global/global-conflict-tracker/p32137#/?marker=32>)).

⁴ Kanat K.B. *The Ukraine Crisis as A New Chessboard of Global Geopolitics* // Daily Sabah. 2014. 17 March (<http://www.dailysabah.com/columns/kilik-bugra-kanat/2014/03/17/the-ukrainian-crisis-as-a-new-chessboard-of-global-geopolitics>).

ва — международное, или, точнее, межгосударственное, — имеет весьма условный характер. Его действие никогда не охватывало весь мир, все народы, все государства, ограничиваясь лишь сферой отношений между вполне зрелыми государственными организациями. Все они так или иначе участвовали в формировании нормативной и доктринальной системы международного права, но определяющую роль в международном правотворчестве и соответственно в становлении и развитии международного правопорядка всегда играла небольшая группа наиболее сильных государств. Для их обозначения в русском языке есть удачный термин «держава». Такие государства действительно *держат* в своих руках судьбы мира, и, конечно, именно на них *держится* международный правопорядок. Экономические, политические, культурные интересы государств-держав неизбежно сталкиваются между собой. Баланс этих интересов, как цементирующий раствор, закладывается в основание международного права.

Кризисная ситуация на Украине, как бы она ни разрешилась, неминуемо изменит баланс интересов и политический вес втянутых в нее государств. И уже одним этим данный конфликт окажет значительное влияние на устройство международного правопорядка в будущем.

Особенностью украинского кризиса является то, что он в той или иной мере затронул целый ряд основополагающих начал и доктрин международного права: принцип суверенного равенства государств, принцип территориальной целостности, право народа на самоопределение⁵, принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др. При этом стало предельно ясно, что в условиях, когда геополитический конфликт между государствами разворачивается на территории третьего государства, указанные принципы международного права приобретают новые смыслы, вследствие чего прежние устоявшиеся их толкования утрачивают свое значение.

При отсутствии между государствами конфликта, сильно ущемляющего их жизненно важные интересы, нарушение одним из них принципа невмешательства во внутренние дела других может быть предотвращено или устранено с помощью обыкновенных протестов или заявлений. Однако если такие нарушения международного права случаются в условиях геополитической борьбы, в которой ставкой является выживание государства, его будущее существование, то обычные механизмы их устранения, предусмотренные международно-правовыми документами в расчете на стабильную ситуацию, совершенно не работают. В таких обстоятельствах более эффективным оказывается действие государств по принципу талиона: *если невозможно предотвратить вмешательство какого-либо государства во внутренние дела другого государства, прекратить поддержку им той или иной политической группировки, то его следует уравновесить подобным же вмешательством, поддерживая противоположную политическую группировку.*

Этот простой пример показывает, что в условиях геополитических конфликтов нормы и принципы международного права должны действовать совсем не так, как они действуют в ситуации стабильности. Сложившаяся система норм, принципов и доктрин международного права, а также процедур и механизмов, обеспечивающих его функционирование, предполагает устойчивое состояние международных отношений, и она совершенно не приспособлена для использования в условиях масштабных противостояний. Очевидно поэтому, что имеющуюся систему надо дополнить еще одной совокупностью норм, принципов и процедур, специально предназначенных для применения в конфликтных ситуациях. Иначе говоря, интересы поддержания международного правопорядка требуют, чтобы наряду с *ординарным международным публичным правом* существовало **экстраординарное международное публичное право.**

⁵ Право народа на самоопределение оказалось предметом спора между конфликтующими сторонами вследствие воссоединения Крыма с Россией. Причем осуществление крымчанами этого права произошло редким способом — путем сепарации. См. об этом: *Томсинов В.А. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10—27.*

Таким образом, украинский кризис не только показывает реальное состояние современного международного права с его слабостями, пробелами, недостатками и противоречиями⁶, но и дает понять, в каком направлении оно должно развиваться, чтобы сохранить свое значение в регулировании международных отношений.

* * *

Украинский кризис выявил множество неприятных свойств в устройстве современного западного мира. Среди них самое отвратительное и чрезвычайно опасное для его будущего — *нежелание ведущих держав Запада учитывать жизненно важные интересы поднимающихся держав Востока, договариваться с ними, вырабатывать условия компромисса, создавать новый баланс интересов вместо старого, двадцатилетней давности.*

Между тем понять, в чем заключаются геополитические интересы России вообще и на Украине в частности, совсем нетрудно. Во всяком случае, это сумели сделать такие известные и авторитетные западные политологи, когда-то занимавшие высокие посты на государственной службе в США, как Збигнев Бжезинский⁷ и Генри Киссинджер⁸. В книге «Великая шахматная доска», вышедшей первым изданием еще в 1997 г., З. Бжезинский следующим образом оценил значение Украины для России: «Появление независимого украинского государства не только побуждало всех русских переосмыслить характер их собственной политической и этнической идентичности, но и представляло собой роковое геополитическое отступление Российского государства. Отречение от более чем трехсот лет российской имперской истории означало потерю потенциально богатой промышленной и сельскохозяйственной экономики и 52 миллионов населения⁹, этнически и религиозно достаточно близкого русскому народу, чтобы сделать Россию по-настоящему большим и уверенным в себе имперским государством. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важными для России воротами для ее торговли со Средиземноморьем и со всем миром в целом. Потеря Украины была главнейшим геополитическим событием, ибо это решительно ограничивало русские геостратегические перспективы. Даже без Прибалтийских государств и Польши Россия, сохранявшая контроль над Украиной, могла бы еще стремиться к тому, чтобы быть лидером напористой евразийской империи, внутри которой Москва могла бы доминировать над неславянскими народами южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю, по всей видимости, привела бы Россию в ситуацию гордого одиночества, она бы запуталась в затяжных конфликтах с неславянскими народами с их пробужденными национальными и религиозными чувствами; война с Чечней является, вероятно, первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости русских и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключи-

⁶ См. об этом: *Томсинов В.А.* Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11—26.

⁷ Збигнев Казимеж Бжезинский (*Zbigniew Kazimierz Brzezinski*, род. в 1928 г.) в настоящее время является консультантом Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies) и профессором американской внешней политики в Школе передовых международных исследований Пола Нитце (School of Advanced International Studies) при Университете Джона Хопкинса в Вашингтоне. В 1977—1981 гг. был советником президента США Джими Картера по национальной безопасности.

⁸ Генри Альфред Киссинджер (*Henry Alfred Kissinger*, род. в 1923 г.) в настоящее время является председателем международной консалтинговой фирмы Kissinger Associates. В 1969—1975 гг. был советником президентов США (сначала Ричарда Никсона, потом Джеральда Форда) по национальной безопасности. С 22 сентября 1973 г. до 20 января 1977 г. занимал должность государственного секретаря США.

⁹ На 1 января 2014 г. численность населения Украины составляла около 43 миллионов человек.

тельно на власти России, без Украины будет неизбежно с каждым годом становиться все менее европейским и все более азиатским»¹⁰.

Еще более интересными являются откровения Генри Киссинджера в статье «Для урегулирования украинского кризиса начните с конца», опубликованной в газете «The Washington Post» 5 марта 2014 г. «Запад должен понять, — пишет автор, — что для России Украина никогда не может быть просто чужой страной. Русская история началась с того, что называлось Киевской Русью. Оттуда распространялась русская религия. Украина была частью Российской империи на протяжении столетий, а их истории были переплетены и ранее. Некоторые из наиболее важных сражений для российской свободы, начавшиеся с битвы под Полтавой в 1709 году, велись на украинской земле. Черноморский флот России — русское средство для отстаивания своей мощи в Средиземном море — базируется на основе долгосрочной аренды в Севастополе, в Крыму. Даже такие знаменитые диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина является неотъемлемой частью российской истории и, безусловно, России»¹¹.

Помимо мыслей о тесной историко-культурной взаимосвязи русского и украинского народов, придающей нынешнему украинскому кризису особенно драматичный характер, Генри Киссинджер высказал еще одно замечание, позволяющее лучше понять происходящее на Украине с тех пор, как она стала самостоятельным государством: «Украина была независимой в течение лишь 23 лет; прежде она с XIV столетия пребывала под разного рода иностранным правлением. Неудивительно, что ее лидеры не усвоили искусства компромисса, еще менее они знают об исторической перспективе. Политика Украины после обретения независимости ясно показывает, что корень проблемы лежит в стремлениях украинских политиков навязывать свою волю непокорным частям страны, сначала одной, потом другой»¹².

Любопытно, что еще в начале 90-х годов XX в. американские аналитики, изучавшие украинское общество, сделали выводы о потенциальной, но весьма вероятной опасности раскола страны на западную и восточную части, утраты Украиной государственного суверенитета и части территорий. Так, в статье «Возвратится ли Украина в Россию», опубликованной в 1994 г. в журнале «Foreign Policy», офицер Национальной разведки США, аналитик, специалист по евразийским проблемам Евгений Румер, как будто заглянув в будущее, писал: «Возникновение Украины как независимого государства дало любопытный результат: оно высветило ранее скрытые различия между многими отдельными украинскими регионами и этническими группами. Несмотря на решительную поддержку со стороны украинских граждан независимости от Москвы, процесс национального строительства, как он задумывался ее новыми лидерами, развязал в стране центробежные политические силы. В нынешних условиях быстрого и широкомасштабного экономического спада региональные и межэтнические распри вспыхнули как вызов власти и авторитету правительства в Киеве. Наиболее заметное разделение возникло между восточной и западной половинами Украины»¹³. Судя по всему, предсказать судьбу Украины Евгению Румеру помогло знание умонастроений украинского правящего слоя. «Неспособность украинской элиты осознать органическую связь своего народа и страны с Россией потенциально чревата катастрофическими последствиями для

¹⁰ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. N. Y., 1997. P. 92.

¹¹ Kissinger H.A. To settle the Ukraine crisis, start at the end // The Washington Post. 2014. March 5.

¹² Ibid.

¹³ «Ukraine's emergence as an independent state has produced a curious result: It has highlighted previously submerged differences among Ukraine's many distinct regions and ethnic groups. Notwithstanding the Ukrainian citizenry's strong support for independence from Moscow, the process of nation-building, as conceived by its new leadership, has unleashed centrifugal political forces in the country. In the current conditions of rapid and widespread economic decline, regional and interethnic rivalries have emerged as a challenge to the power and authority of the government in Kiev. The most visible dichotomy has emerged between the eastern and western halves of Ukraine» (Rumer E.B. Eurasia Letter: Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. 1994. N 96. P. 131).

независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины»¹⁴, — такой вывод сделал американский разведчик-ученый ровно за двадцать лет до начала украинского кризиса, воплотившего его мрачные пророчества.

Приведенные суждения американских аналитиков показывают: они всегда хорошо понимали, насколько сильна взаимозависимость России и Украины. Думается, вряд ли этот факт могут не осознавать в настоящее время в высших властных сферах США.

* * *

Политику западных держав в отношении России нельзя назвать разумной: во все времена она не соответствовала ни российским, ни западным интересам. Запад всегда смотрел на Россию как на врага, видел в ней чудовище, желающее проглотить всю Европу. И к сотрудничеству с Россией западные государства склонялись только под давлением тяжелых обстоятельств — например, когда надо было вести войну с другой европейской державой. Союз с Россией позволял в этом случае использовать ее армию для защиты своих интересов. Так было в начале XIX в., когда Великобритания затеяла войну с наполеоновской Францией. Российский император Александр I, прозванный почему-то Благословенным, не стеснялся приносить в жертву британским интересам сотни тысяч русских солдат, которых отправляли на войну с Францией.

Впрочем, Наполеон Бонапарт не предпринимал серьезных шагов, чтобы помирить Францию с Россией, напротив, в 1807 г. постарался навязать ей заведомо невыгодные для русских интересов тильзитские договоры. А когда обнаружил, что они Россией не соблюдаются, стал открыто готовиться к войне с ней и в 1812 г. двинул в ее пределы собранную со всей Европы полумиллионную армию, ясно при этом понимая, что у России можно выиграть сражение, и даже не одно, только завоевать Россию невозможно¹⁵.

Чтобы понять, что к французам в русском обществе не было враждебного отношения, достаточно открыть первый том романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: в салонах русской знати разговаривали исключительно на французском языке.

Столетие спустя ситуация повторилась. Только на этот раз войной пошли на Россию немцы. Между тем трудно было найти в российских университетах профессора, который бы во время подготовки к профессорскому званию не стажировался в германских университетах. И немецкий язык был так же, как когда-то французский, языком русского образованного класса. Позиции же немецкого капитала в экономике Российской империи являлись столь сильными, что, казалось, Россия уже была завоевана немцами. Вступив с Россией в войну, Германия дала повод российскому правительству изгнать немецкий капитал из страны.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. обыкновенно представляется как вооруженное столкновение СССР с фашистской Германией. В сообщениях и документах о ее начале говорилось о нападении на Советский Союз лишь германских войск. На самом деле орды завоевателей, обрушившиеся 22 июня 1941 г. на нашу родину, были не только германскими. В этом военном походе, ставившем своей целью уничтожение русского народа¹⁶, принимали участие, помимо Германии, и другие европейские государства. План «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г., предусматривал вступление в войну против СССР в союзе с Германией также Румынии и Финляндии при содействии Норвегии и Швеции. Немецкие фашисты имели в своем распоряжении экономический потенциал почти всей Европы, и многие европейские страны сформировали войсковые подразделения для участия в войне против СССР. Не будет преувели-

¹⁴ «The Ukrainian elite's failure to recognize the organic link of their people and country to Russia is fraught with potentially catastrophic consequences for the independence, sovereignty, and territorial integrity of Ukraine» (Ibid. P. 133).

¹⁵ См. об этом: *Томсинов В.А.* Роковая война Наполеона Бонапарта // *Партитура первой отечественной. Война 1812 года.* М., 2012. С. 15—82.

¹⁶ См. об этом: *Томсинов В.А.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: что это было? // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право.* 2010. № 3. С. 17—36.

чением утверждение о том, что *22 июня 1941 г. в военный поход на наше Отечество снова пошла почти вся Европа*¹⁷.

В начале 90-х годов XX в. Россия была в полном подчинении США и во власти американофилов. Военная промышленность успешно уничтожалась ельцинскими реформами. О военном столкновении США с Россией писать мог только фантаст. В марте 2000 г., незадолго до своего избрания на пост президента, В.В. Путин сказал в интервью ВВС, что «не исключает возможности вступления России в НАТО»¹⁸. За прошедшие годы состояние международных отношений изменилось таким образом, что вооруженный конфликт между Россией и США не кажется уже фантастикой.

Многие политологи, в том числе американские, опасность украинского кризиса видят именно в его возможности перерасти в вооруженное столкновение между крупными государствами.

На каком основании они предполагают такой вариант развития кризисных событий на Украине? Думается, они понимают, что в этой стране Соединенные Штаты затронули жизненно важные интересы России, и прежде всего *выкованную у русского народа многократными военными вторжениями европейских завоевателей в пределы русской земли потребность в защищенности с запада*.

Осознавая это обстоятельство, Джордж Фридман написал в своей статье «Россия рассматривает свои варианты ответа Украине», опубликованной в день воссоединения Крыма с Россией: «Россия исторически охраняется сама собой своей глубиной. Она расширила свои границы так далеко на запад, как это было возможно, чтобы эта глубина удерживала авантюристов или, как это было в случае с Гитлером и Наполеоном, уничтожала их. Потеря Украины в качестве буфера для Запада оставляет Россию без этой глубины и делает ее заложником Европы и Соединенных Штатов. Есть на Западе те, кто отвергает опасения России как архаические. Мол, никто не хочет вторгаться в Россию и никто не может завоевать Россию. Такие мнения кажутся мудрыми, но по сути они поверхностны. Знания о намерениях не могут помочь в плане оценки угроз. Намерения, как и возможности, могут измениться очень быстро. Поведение американцев во время Первой мировой войны и немцев в 1930-е годы показывает, как молниеносно трансформируются угрозы и возможности. В 1932 г. Германия и экономически, и в военном отношении была в руинах. В 1938 г. она и экономически, и в военном отношении стала доминирующей страной на европейском полуострове. В 1941 г. ее войска стояли у ворот Москвы»¹⁹.

Кроме того, указывая на вероятность перерастания украинского кризиса в крупное вооруженное столкновение между Россией и США, политологи исходят из ясно выражаемого, хотя и очень странного нежелания руководства Соединенных Штатов погасить этот конфликт. Известно, что некоторые высокие должностные лица США даже подталкивают новые власти Киева к более активным военным действиям против народных ополченцев восставшего юго-востока Украины. При этом в НАТО готовится целая программа оказания военной помощи правящей в Киеве группировке, предполагающая поставку на Украину тяжелой военной техники (авиации, танков, артиллерии)²⁰. Что же касается военных специалистов из западных стран, то они уже воюют против украинцев и русских, не желающих терпеть нынешнюю киевскую власть. Механизмы вмешательства западных держав во внутренние дела других государств постоянно совершенствуются. В последнее десятилетие распространилась практика использования для вооруженной интервенции военных специалистов, нанятых не государством, а частными ком-

¹⁷ Томсинов В.А. 22 июня 1941 года. К 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2011. № 5. С. 3—7.

¹⁸ Коммерсантъ. 2000. 7 марта (см.: <http://www.kommersant.ru/doc/142046>).

¹⁹ Friedman G. Russia Examines Its Options for Responding to Ukraine // Stratfor. Global Intelligence. 2014. March 18 (<http://www.stratfor.com/weekly/russia-examines-its-options-responding-ukraine>).

²⁰ Васьков В. Танки НАТО атакуют Новороссию: в Брюсселе обсудят пакет мер по оказанию майданному режиму военной помощи // Свободная пресса. 2014. 16 июня (см.: <http://svpressa.ru/politic/article/90071/>).

мерческими компаниями. Применяется и масса других уловок, чтобы скрыть фактическую агрессию одного государства против другого.

Международное право просто не успевает предусмотреть подобные хитрости. И никогда не будет успевать. Украинский кризис предельно ясно показывает: **необходима смена технологии развития международного права. Его нормы и принципы должны соответствовать реалиям международных отношений.** Но при этом нельзя устанавливать это соответствие искусственным путем.

Как известно, одним из главных принципов современного международного права является принцип суверенного равенства государств. Он определяет статус государств как самостоятельных игроков на мировой арене. Будучи равными в качестве субъектов международного права, государства не равны во всех других отношениях. Возникает противоречие, которое чаще всего разрешается вмешательством государства более сильного во внутренние дела государства более слабого.

Современное международное право признает вмешательством во внутренние дела государств многие действия, налагая запрет на их совершение. Однако немало таких действий государствами регулярно осуществляется, несмотря на их незаконность с точки зрения международного права. Почему? Да потому, что они воплощают собой вполне естественную для любого государства политику. Если какое-либо государство может подчинить себе другое государство, причем исключительно мирными средствами, вряд ли оно упустит такую возможность. Лоббизм в одних правовых системах считается правонарушением, а в других он признается законным действием, совершаемым, правда, при соблюдении определенных, установленных законом условий.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций²¹, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., запрещает государству или группе государств «вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». Согласно тому же документу «вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ», объявляются «нарушением международного права».

Названная декларация устанавливает далее, что «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ. Ни одно государство не должно также организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную, террористическую или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве.

Применение силы, имеющее целью лишить народы их национальной самобытности, является нарушением их неотъемлемых прав и принципа невмешательства.

Каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства».

В приведенном перечне запретов есть, например, запрет государству применять или поощрять «применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». Но разве практика международных отношений не свидетельствует о том, что действия, объявлен-

²¹ СПС «Гарант».

ные в этой статье запрещенными, являются для многих государств скорее нормой поведения, нежели нарушением правил?²²

Статья же, запрещающая государствам применять силу для лишения народов их национальной самобытности или препятствовать выбору народами политической, экономической, социальной и культурной системы, в современных условиях явно приобретает особую актуальность, а следовательно, эту норму надо развивать и совершенствовать.

Пример Украины показывает, что держава, стремящаяся силой лишить народ в другом государстве его национальной самобытности, чаще всего пытается добиться своей цели, управляя действиями внутригосударственных властей. В этом случае нет открытых проявлений вмешательства одного государства во внутренние дела другого, хотя в скрытой форме оно имеет место.

Международное право, как отмечалось, считается правом межгосударственным. По словам директора Центра международного и публичного права профессора Хилари Чарлзворт, «роль государства является центральной в ортодоксальной теории международного права, и именно на ней часто фокусируются критические мнения о международном праве»²³. Помимо государств международное право признает субъектами права также народы и международные организации. Однако именно государства составляют круг главных субъектов международного права и его творцов.

Принципы неприменения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, невмешательства во внутренние дела государств, территориальной целостности государств и др. призваны защищать государства от гибели в результате противоправных действий других государств. Исторический опыт свидетельствует о том, что главный субъект международного права — государство — одновременно является и самым уязвимым. Он зависим от внутренних обстоятельств, способных вызвать революционную бурю, и от воздействия внешних разрушительных сил, а если они объединятся, государственный организм может быть сокрушен буквально в несколько дней²⁴. С этой точки зрения особую опасность для государства представляет конфликт геополитического и цивилизационного характера. Именно такой конфликт наблюдается сейчас на Украине.

* * *

Геополитические конфликты между государствами обыкновенно сопровождаются нарушениями норм и принципов международного права. Конфликтующие стороны в своих действиях, как правило, ориентируются только на собственные интересы и, если не могут отстоять их или реализовать в соответствии с устоявшимся международным правопорядком, легко выходят за его рамки. Украинский кризис не является исключением из этого правила. Президент Института международного права Рейн Мюллерсон

²² «В принципе каждое государство независимо в управлении своими собственными делами, и иностранное вмешательство является нарушением его права... На практике же вмешательство является обычным делом, и сторонники всех политических убеждений смотрят на вмешательство как оправданное при определенных обстоятельствах» (*Wight M. Power Politics / Ed. by H. Bull, C. Holbraad. L., 1995. P. 191*).

²³ *Wiessner S., Charlesworth H., Chibundu M., Sanchez R.M. and Tesón F. The Project of Reconfiguration: How Can International Law Be Reconstituted? // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2000. Vol. 94. P. 75.*

²⁴ Такое крушение произошло в течение 1917 г. с русской государственностью. Русский мыслитель И.А. Ильин в лекции о патриотизме, прочитанной в феврале 1918 г. молодым преподавателям Московского университета, рисовал следующую картину этой государственной катастрофы: «В наши дни душа живет скорбью и гнетом. Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душою овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собой*, *рассыпалось*, распалось, и не стало единого, великого народа; нет его *воли*, умолок его *разум*, извратилось его *чувство*, разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет "*русским государством*"? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права* и *обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о русском государстве, когда все, все, все в разложении, в прахе, в позоре? Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории» (*Ильин И.А. О патриотизме // Ильин И.А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 353*).

с тревогой смотрит на его последствия для международно-правовых устоев. «Мы наблюдаем тревожное размывание принципов неприменения силы и невмешательства во внутренние дела государств, — отмечает он. — Соревнование России и Запада за Украину напоминало борьбу между европейскими империями за Африку в XIX веке. Неужели страны НАТО не понимают, что Китай или Россия могут также прибегнуть к манипуляциям из их арсенала? Но это явно не арсенал международного права»²⁵.

Опыт геополитических конфликтов второй половины XX — начала XXI в. показывает, что участвующие в них государства, преследуя в первую очередь свои собственные цели и допуская нарушения международного права, не отказываются от него, вполне признают его ценность и нередко даже состязаются между собой в демонстрации уважения к его принципам и нормам. Международное право используется в таких случаях не по своему прямому назначению, т. е. для достижения компромисса, разрешения конфликта между государствами и стабилизации международных отношений, а в качестве инструмента идеологической борьбы.

Подобное отношение к международно-правовым принципам и доктринам особенно характерно для США, чьи руководители на протяжении двух последних десятилетий регулярно идут на авантюры, нарушающие самым грубым и очевидным образом международное право. Достаточно вспомнить военную операцию НАТО против Югославии, проводившуюся с 24 марта по 10 июня 1999 г. под предлогом защиты прав человека; вторжение в 2003 г. войск США и их союзников в Ирак с последующей оккупацией этой страны; войну США и НАТО против Ливии в 2011 г. и т. д. *Участие США и их европейских союзников в нынешнем украинском кризисе есть продолжение той политической линии, которая настойчиво и невзирая на любые нарушения международного права проводилась ими в названных случаях. Это были не просто военные интервенции против суверенных государств, но одновременно и операции, направленные на переформатирование международно-правового порядка, приспособление международного права к интересам США.*

Именно эти периодически совершаемые западными юристами-международниками манипуляции с нормативной и доктринальной основой международного права несут в себе самую большую опасность для международного правопорядка. Грубое нарушение Соединенными Штатами Америки международно-правовых норм и принципов причиняло бы намного меньший ущерб человечеству, если бы оно признавалось таковым, если бы разные юридические комиссии и отдельные западные правоведы не прикладывали огромных усилий для того, чтобы представить допущенное США очевидное, вопиющее беззаконие вполне легитимным.

Превращая нормативный и доктринальный материал международного права из инструмента поддержания стабильного порядка в международных отношениях в совокупность чисто идеологических, пропагандистских догм, прикрывающих произвол сверхдержавы по отношению к другим государствам, США лишают международное право юридического авторитета. Недаром в последние два десятилетия все чаще возникает при обсуждении проблем международного права вопрос о том, является оно настоящим правом или нет. Подобный вопрос был распространен в юридической литературе начала XX в., и в особенности во времена Первой мировой войны²⁶.

Канадский эксперт по международному праву профессор Университета Британской Колумбии Майкл Баерс объясняет упорное стремление США представлять всецело легитимными свои действия, грубо и очевидно нарушающие нормы и принципы международного права, следующими причинами: «Соединенные Штаты зависят от союзников,

²⁵ Мюллерсон Р. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Scott J.B. The Legal Nature of International Law // The American Journal of International Law. 1907. Vol. 1. N 4. P. 831—866; Willoughby W.W. The Legal Nature of International Law // The American Journal of International Law. 1908. Vol. 2. N 2. P. 357—365; Hughes Ch.E. The Future of International Law // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. 1917. Vol. 7. N 2. Part 1. P. 1—15; Cobb A. Does International Law Exist? // The North American Review. 1917. Vol. 205. N 737. P. 638—639; Foulke R.R. Definition and Nature of International Law // Columbia Law Review. 1919. Vol. 19. N 6. P. 429—466.

которые обыкновенно признают международное право значимым и соблюдают его принципы. В иных случаях США считают полезным прибегнуть к правовым аргументам, когда убеждают других не применять силу... Даже когда Соединенные Штаты хотят действовать незаконно, они обычно стараются оправдать свое поведение с юридической точки зрения или изменить закон»²⁷.

Каким образом совершается изменение международного права в угоду американским интересам, показывают экспертные заключения западных юристов-международников, изготовленные специально для оправдания с юридической точки зрения агрессивных действий США. Об одном из таких заключений, так называемом Косовском докладе — объемном документе, составленном независимой международной комиссией по Косово и одобренном Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, — шла речь в предыдущей нашей статье, посвященной украинскому кризису²⁸.

Другой документ подобного рода, предназначенный для юридического оправдания военной агрессии НАТО против Югославии, составила профессор международного права Лондонской школы экономических и политических наук Кристина Чинкин. Ее экспертное заключение объемом в 16 страниц, датированное октябрём 1999 г., было опубликовано в 2000 г. в журнале «The International and Comparative Law Quarterly» под весьма примечательным названием «Законность действий НАТО в прежней Югославии с точки зрения международного права»²⁹. Рассмотрев военные действия НАТО в Югославии с точки зрения Устава ООН³⁰, соответствующих резолюций Совета Безопасности, принципов и доктрин обычного международного права, К. Чинкин пришла к следующим выводам:

«1. Бомбардировка НАТО не подпадает под исключения из запрета на применение силы, предусмотренного Уставом ООН. Она не являлась ни индивидуальной, ни коллективной самообороной; она не была санкционирована Советом Безопасности в соответствии с главой VII (статьи 39 и 42) или главой VIII (статья 53).

2. Доктрина односторонней гуманитарной интервенции (т. е. без санкции Совета Безопасности) остается спорной в обычном международном праве.

3. Если допустить, что в международном праве существует правомочие вмешиваться в дела другого государства с применением силы на его территории для защиты прав человека, то это правомочие должно стать исключением из запрета на применение силы и допускаться только при определенных исключительных условиях. В частности, в упомянутом государстве должны наблюдаться такие грубые нарушения прав человека, которые это государство не способно или не желает смягчить. Необходимо, чтобы и ООН не желала или была не в состоянии действовать. Действия должны быть ограничены гуманитарными целями, должна существовать необходимость таких действий и они должны быть соразмерны гуманитарным целям. Предпочтительными являются коллективные действия.

4. Непонятно, как действия НАТО удовлетворяют этим жестким условиям.

5. Даже если применение силы оказывается законным, обычаи и законы войны сохраняют свою силу...

6. Генеральная Ассамблея и Комитет ООН по экономическим и социальным правам подчеркивают важность соблюдения обязательств в области прав человека в контексте односторонних мер...

²⁷ Byers M. War, Law, and Geopolitical Change // International Journal. 2005/2006. Vol. 61. N 1: Turkey: Myths and Realities. P. 211.

²⁸ См.: Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией. С. 22—24.

²⁹ Chinkin Ch. The Legality of NATO's Action in the Former Republic of Yugoslavia (FRY) under International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49. N 4. P. 910—925.

³⁰ Прежде всего имеется в виду ст. 2 (4) Устава ООН, в которой говорится: «Все члены Организации Объединенных Наций должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

7. Репрессии или насильственные контрмеры являются недопустимыми по международному праву»³¹.

Далее идет самое интересное: раскрывается механизм приспособления международного права к интересам НАТО и соответственно США:

«8. Необходимо помнить, что действия НАТО как государственная практика сами по себе будут способствовать утверждению международного права, и следует поэтому задуматься над прецедентным эффектом действий»³².

В пункте 9 своего заключения профессор К. Чинкин признала, что военные действия НАТО в Югославии не подпадали под какую-либо доктрину международного права, допускающую применение силы, но тут же заявила, что есть оправдывающие их аргументы, совокупный эффект которых «может быть сочтен убедительным». «Совет Безопасности, — констатировала она, — был в курсе действий и не осудил их: важными оказались гуманитарные соображения; последующий мирный план был введен в действие с санкции Совета Безопасности». «С этой точки зрения, — продолжила К. Чинкин свое рассуждение, — действия имели **легитимность, если не были строго законны по международному праву**»³³ (выделено мной. — В.Т.).

Самый важный вывод британского правоведа относительно военной операции США и их союзников в Югославии состоит в том, что «интервенция НАТО уводит международное право в новые сферы» и что «расширение параметров для международного применения силы без санкции конституционно авторитетного органа еще больше ослабляет запрет на применение силы и значение Устава ООН»³⁴.

Оправдывая военную агрессию НАТО против Югославии, представляя ее легитимной, несмотря на противоречие действий США и их союзников нормам Устава ООН, западные правоведа-международники не скрывали, что такая практика разрушает международное право. Профессор Института международного права Университета Людвиг-Максимилиана в Мюнхене Бруно Сумма в своем исследовании военной операции в Югославии счел необходимым заметить: «Юридические проблемы, представленные косовским кризисом, являются особенно впечатляющим доказательством того, что трудные случаи создают плохое право»³⁵.

Вооруженная агрессия США и их союзников против Ирака и Ливии имела намного более печальные последствия, чем военная операция НАТО в Югославии. В работе «Война, агрессия и государственное преступление» иракскую авантюру США подвергли криминологическому анализу профессор Западного Мичиганского университета Рональд Крамер и почетный профессор Университета Северной Аризоны Раймонд Михаловски. Американские правоведа-криминологи заявили, в частности: «Захватнические войны являются, пожалуй, самыми разрушительными и дестабилизирующими из всех государственных преступлений. В Уставе Нюрнбергского трибунала они определяются как «самое тяжкое международное преступление», и мы утверждаем, что этот термин адекватно характеризует вторжение в Ирак и его оккупацию США и их главным союзником — Великобританией. Можно привести очень веские аргументы в пользу того, что вторжение в Ирак было нелегитимным оборонительным шагом со стороны Соединенных Штатов, но точнее определить эти действия как агрессивную войну, которая, как в сентябре 2004 г. подтвердил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, нарушала Устав ООН и нормы международного права»³⁶. Главный вывод, к которому пришли

³¹ Ibid. P. 924—925.

³² «It must be remembered that NATO's action, as State practice, will itself contribute to the affirmation of international law and thought must therefore be given to the precedent effect of the action» (Ibid. P. 925).

³³ «In this view the actions have a legitimacy, if not strict legality under international law» (Ibid.).

³⁴ Ibid.

³⁵ Summa B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P. 14.

³⁶ Kramer R.C., Michalowski R.J. War, Aggression and State Crime: A Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq // The British Journal of Criminology. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446.

ученые, таков: «Вторжение в Ирак и его оккупация Соединенными Штатами и их союзниками нарушают международное право и, таким образом, составляют государственное преступление. Это государственное преступление, над которым, однако, не существует эффективного социального контроля и за которое нельзя подвергнуть формальному наказанию. США как наиболее могущественная в военном и экономическом отношении страна и ее лидеры могут, если захотят, относительно безнаказанно нарушать международное право. Ненаказуемость не делает, однако, незаконные действия законными и не может вывести их за рамки криминологического изучения»³⁷.

Еще более резкую характеристику дали правоведа-международники военным действиям США в Ливии. Профессор международного права юридического колледжа Университета Иллинойса Фрэнсис Бойл оценил их с точки зрения Устава Нюрнбергского трибунала, по которому судили фашистских военных преступников. «Война США/НАТО 2011 года против Ливии, — заявил он, — составляет «преступление против мира», которое определяется в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 года»³⁸. Понимая, что, до тех пор пока будет сохраняться гегемония США на мировой арене, ничто не сможет ограничить действия этой агрессивной сверхдержавы, разрушающие международный правопорядок, американский правовед приходит к печальному выводу: «Единственное сейчас, что может спасти человечество от третьей мировой войны, — это распад Соединенных Штатов Америки подобно тому, как это произошло с Союзом Советских Социалистических Республик в 1991 году. Чем скорее, тем лучше!»³⁹.

Это заявление Фрэнсиса Бойла на первый взгляд кажется чрезмерно резким, продиктованным исключительно эмоциями. Но если посмотреть на него внимательнее — через призму реального состояния международного сообщества и с точки зрения не мифических, а действительных последствий военных интервенций США против Ирака и Ливии, то будет трудно с ним не согласиться. Главными результатами необычайно активного, энергичного вмешательства США во внутренние дела этих стран стали полное разрушение государственности, обеспечивавшей для основной массы населения приемлемую степень безопасности и материального достатка, и, как следствие, неисчислимы бедствия миллионов простых людей. Причем за прошедшее десятилетие в Ираке так и не возникло нормального государства, которое было бы способно хотя бы отчасти заменить прежнее, уничтоженное военной агрессией США. А в настоящее время эта страна и вовсе стоит перед реальной угрозой распада на несколько частей.

Со времени ликвидации американцами и их союзниками ливийской государственности прошло три года, но уже очевидно, что новое государство, хотя бы в какой-то мере отвечающее своему назначению, возникнет здесь не скоро, если вообще когда-нибудь возникнет. Трудно представить, сколько еще лишений предстоит пережить народам Ливии, прежде чем на территории этой страны утвердятся сколько-нибудь устойчивый политический и правовой порядок.

Так называемый украинский кризис, буквально с каждым днем принимающий все более трагический характер для населения Украины и России, явно показывает ту же закономерность: вмешательство США во внутренние дела ослабленного, разьедаемого

³⁷ Ibid. P. 463.

³⁸ Boyle Fr.A. Destroying Libya and World Order. The Three-Decade U.S. Campaign to Terminate the Qaddafi Revolution. Atlanta, 2013. P. 182. В статье 6 принятого 8 августа 1945 г. в Лондоне Устава международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси было сказано: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность: а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий» (Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 147—148).

³⁹ Boyle Fr.A. Op. cit. P. 182.

коррупцией украинского государства окончательно нарушило исторически сложившееся, существовавшее более двух десятилетий равновесие политических сил в этой стране, подтолкнуло к развязыванию гражданской войны, ускорило разрушение самостоятельной украинской государственности, возникшей в результате распада СССР в начале 90-х годов прошлого века.

«Произошедший на наших глазах распад украинской государственности, — отмечает историк, профессор В.В. Наумкин, — едва ли можно рассматривать изолированно от общего кризиса международной системы. Его причиной стали и эрозия механизмов, поддерживавших традиционное, порой весьма искусственное и ущербное национал-строительство, и крах неэффективного управления до предела коррумпированных авторитарных правителей, и спонтанные народные движения, и резкое обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий, и безумный разгул “сменорегимных” политических инженерий Запада, и бурный рост активности обществ и властей, стремящихся оградить от этого опасного вмешательства свою исконную идентичность»⁴⁰.

Очевидно, что именно отсутствие на Украине государства, способного подавить преступность, поддерживать правопорядок, обеспечивать все условия для нормальной жизнедеятельности всех пребывающих на его территории людей, и составляет ныне главный фактор углубления украинского кризиса, его питательную среду.

Согласно ст. 1 Конвенции о правах и обязанностях государств, принятой 26 декабря 1933 г. на VII международной конференции американских государств, каждое государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: «а) постоянным населением; б) определенной территорией; в) правительством; и д) способностью вступать в отношения с другими государствами». Указанные признаки не исчерпывают всех свойств традиционно устроенного государства. По общему мнению государствоведов и специалистов в области международного права, успешное государство не просто обладает территорией и населением, но способно осуществлять над ними контроль и поддерживать правопорядок. Кроме того, оно обладает монополией на легитимное насилие в пределах своей территории и в состоянии обеспечить безопасность и сносные материальные условия жизни населения.

Государство, которое не отвечает перечисленным признакам, получило в современной науке международного права определение *failed state* — *несостоятельное государство*. В отличие от нормального государства, оно утратило контроль над средствами насилия, над своей территорией и не способно установить мир, создать стабильную обстановку для своего населения, обеспечить ему необходимые материальные условия. «Несостоятельное государство является феноменом современного международного общества»⁴¹, — пишет ассистент профессора права Ричмондского университета Кьяра Джорджетти.

Одними из первых данный термин использовали в своей статье «Спасти несостоятельное государство», опубликованной более двух десятилетий назад, Геральд Гельман и Стивен Ратнер. «От Гаити в Западном полушарии до остатков Югославии в Европе, от Сомали, Судана и Либерии в Африке до Камбоджи в Южной Азии возникает тревожный феномен несостоятельного государства, полностью неспособного поддерживать себя в качестве члена международного сообщества. Его характеризуют гражданские забастовки, отставки правительств, экономическая нужда, создающие все больше и больше современных дебелиаций... Так как эти государства опускаются в насилие и анархию, подвергая опасности своих собственных граждан и угрожая соседям потока-

⁴⁰ Наумкин В.В. Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. 27 апреля (см.: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernyi-krizis-16580>).

⁴¹ Giorgetti Ch. A Principled Approach to State Failure. International Community Actions in Emergency Situations. Leyden, 2010. P. 179.

ми беженцев, политической нестабильностью и случайной войной, то становится ясно, что надо предпринимать какие-то действия»⁴².

В 2000-е годы явление, обозначаемое термином *failed state*, или *collapse state*, стало изучаться с разных точек зрения, но прежде всего как проблема международного права и мирового сообщества⁴³. Ведь несостоятельные государства не могут вступать в полноценные договорные отношения с другими государствами, не принимают участия в мировой торговле и уже по этой причине ущемляют права своих граждан. Такие государства, конечно, нуждаются в помощи со стороны ведущих держав. Но прежде чем продумывать политику мирового сообщества в отношении этой категории государств, необходимо уточнить само явление государственной несостоятельности. Это важно потому, что отнесение какого-либо государства к категории *failed state* открывает другим государствам самые широкие возможности для вмешательства в его внутренние дела. Определение несостоятельного государства не должно быть расплывчатым, иначе этот статус может быть присвоен вполне состоявшемуся государству для того, чтобы оправдать вмешательство в его дела или даже агрессию против него.

Общие представления о *failed state* в современной науке международного права пока не устоялись. По мнению Томаса Гранта, государство может быть отнесено к категории несостоятельных при наличии следующих условий:

1) в нем вообще отсутствует правительство, или оно присутствует, но не способно обеспечить выполнение государством своих обязательств;

2) не существует правительства, которое может гарантировать соблюдение общественного порядка на всей территории государства или на большей ее части;

3) общественный порядок на значительной части территории государства разрушен настолько, что не может быть обеспечена личная безопасность граждан и большинство форм созидательной коммунальной или корпоративной деятельности прекратилось вследствие хаоса и насилия;

4) «это состояние дел происходит не от преходящего явления (голода, наводнения, кратковременного политического кризиса), но скорее отражает продолжительную системную проблему или проблемы, которые вряд ли могут быть решены с помощью обыкновенных ограниченных мер...»⁴⁴.

Доктрина несостоятельного государства при дальнейшей ее разработке, несомненно, будет иметь серьезные последствия для международного правопорядка. Она расширяет возможности для вмешательства одних государств во внутренние дела других и вместе с тем подрывает основополагающий принцип международного права — суверенное равенство государств. Ведь очевидно, что между стабильным государством и государством несостоявшимся возможны лишь отношения неравных субъектов. Именно такими предстают отношения США и Украины в ходе так называемого украинского кризиса. Доктрина несостоятельного государства многое объясняет в поведении руководства Украины: сейчас оно не контролирует многие районы страны, не может поддерживать общественный порядок, не выполняет своих долговых обязательств.

Благодаря этой доктрине, предполагающей, что несостоятельные государства будут иметь ограниченный суверенитет, международное право приблизится к реальности международных отношений, в которой *никогда не было, нет и не будет равенства государств*.

⁴² Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992—1993. N 89. P. 3.

⁴³ См.: Grant Th.D. Partition of Failed States: Impediments and Impulses // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2004. Vol. 11. N 2. P. 51—82; Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. N 4. P. 159—1196; Chomsky N. The Failed States. The Abuse of Power and The Assault on Democracy. N.Y., 2006; Ferreira G.M. Good Governance and The Failed State // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2008. Vol. 41. N 3. P. 428—448.

⁴⁴ Grant Th.D. Partition of Failed States. P. 52.

Во второй половине XX века в мире заметно возросла роль международных организаций. Вместе с тем в международном праве в указанный период получили развитие такие институты, как права индивидов, обязанности индивидов, ответственность индивидов. Эти перемены позволили австралийскому профессору международного права Гидеону Боасу сделать вывод о том, что в развитии современного международного порядка «несомненной тенденцией является расширение участия в международных делах субъектов, не являющихся государствами»⁴⁵. Однако государство все равно сохраняет свое значение главного субъекта международного права. Именно от государств зависят как эффективность деятельности международных организаций, так и качество жизни индивидов. С этой точки зрения очевидно, что увеличение количества несостоятельных государств (*failed states*) подрывает международный порядок. Если же территория несостоятельного государства богата полезными ископаемыми или, как в случае с Украиной, имеет выгодное географическое расположение, то она неизбежно становится ареной борьбы ведущих мировых держав.

Проблема преодоления современного украинского кризиса — это прежде всего проблема избавления Украины от несостоятельного государства и соответственно вопрос о том, как создать в этой стране настоящее государство, т. е. такое, которого здесь никогда еще не существовало. ■

⁴⁵ Boas G. *Public International Law. Contemporary Principles and Perspectives*. Northampton, 2012. P. 243.

Ключевые слова

украинский кризис; геополитика; международное право

Список литературы

1. Мюллерсон Р. Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2.
2. Boyle Fr.A. *Destroying Libya and World Order. The Three-Decade U.S. Campaign to Terminate the Qaddafi Revolution*. Atlanta, 2013.
3. Brooks R.E. *Failed States, or the State as Failure?* // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. N 4.
4. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. N. Y., 1997.
5. Byers M. *War, Law, and Geopolitical Change* // International Journal. 2005/2006. Vol. 61. N 1: Turkey: Myths and Realities.
6. Chinkin Ch. *The Legality of NATO's Action in the Former Republic of Yugoslavia (FRY) under International Law* // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49. N 4.
7. Chomsky N. *The Failed States. The Abuse of Power and The Assault on Democracy*. N. Y., 2006.
8. Ferreira G.M. *Good Governance and The Failed State* // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2008. Vol. 41. N 3.
9. Giorgetti Ch. *A Principled Approach to State Failure. International Community Actions in Emergency Situations*. Leyden, 2010.
10. Grant Th.D. *Partition of Failed States: Impediments and Impulses* // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2004. Vol. 11. N 2.
11. Helman G.B., Ratner S.R. *Saving Failed States* // Foreign Policy. 1992—1993. N 89.
12. Kissinger H.A. *To settle the Ukraine crisis, start at the end* // The Washington Post. 2014. March 5.
13. Kramer R.C., Michalowski R.J. *War, Agression and State Crime: A Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq* // The British Journal of Criminology. 2005. Vol. 45. N 4.
14. Summa B. *NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects* // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10.